

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КУЛЬТУРА
И
ИСКУССТВО
народов
Средней
Азии
в древности
и средне-
вековье

Под редакцией

Б. Г. Гафурова и *Б. А. Литвинского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

ПЕРИ

Чтобы проиллюстрировать всю сложность развития значений и смыслов отдельных слов персидского литературного языка X—XV вв., зависимость их значений, также и современных, от их сложной истории, разберем в качестве примера историю слова *парӣ*. Слово это, как известно, с переходом ударения (пéри) вошло в русский язык как заимствование. Мы берем именно это слово в качестве примера потому, что стараемся учитывать в нашей работе роль языка, на котором ведется исследование.

Недавно вышедший русский «Словарь иностранных слов» дает такое объяснение: «пери — в персидской мифологии — добрая фея, охраняющая людей от „злых духов“» [9, с. 486]. Данное пояснение должно, очевидно, по мысли составителей, раскрывать скорее «формальное понятие», связанное со словом, чем лексическое значение слова в русском языке. Поскольку слово отнесено к области «персидской мифологии», посмотрим, как толкуется оно в переводах-гlossах к главному источнику наших знаний по иранской мифологии — Авесте: «PARIKA... *pairika* — ведьма, пэри; н.-перс. *pari*» [10, с. 295]. На первый взгляд может показаться, что пояснение словаря («добрая фея») и перевод-гlossа («ведьма») несовместимы и одно из них должно быть просто ошибочным.

Приведем теперь статью из словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова: «Пéри, неск., ж. (перс. *pāri*, букв. крылатый). В иранской мифологии — падший ангел, временно изгнанный из рая и охраняющий людей от демонов (представлявший крылатым существом в образе женщины). Как пери спящая мила, она в гробу своем лежала. Лермонтов. || перен. Женщина чарующей красоты (поэт., устар.). Можно краше быть Мери. . . Этой маленькой пери; но нельзя быть милей. Пушкин» [12, с. 227—228].

Из имеющихся у Д. Н. Ушакова примеров становится совершенно ясным, что для русских поэтов XIX в. пери прежде всего «мила»,

она — олицетворение женской красоты и привлекательности (нельзя при этом не заметить, что первый пример Д. Н. Ушакова относится только к переносному значению, а не к дефиниции — «из иранской мифологии»).

Можно еще заметить, что слово это, помеченное Д. Н. Ушаковым (1939) как устаревшее, сохранялось, очевидно, все же довольно долго в русской литературе и символист Андрей Белый (1916) широко применял приложение-эпитет «ангел-пери» как эпитет обаятельной и красивой женщины [1, с. 84 и сл.].

Каким же образом ведьма Авесты стала «мила» русским поэтам? В настоящее время можно проследить весь сложный путь изменений значения этого слова в иранских языках, последний этап которого (X—XX вв.) совершенно правильно, возможно с помощью Сенковского, поняли и восприняли Пушкин и Лермонтов. Перейдем теперь к определению некоторых этапов этого пути.

Слово *парӣ* доставляло много трудностей составителям словарей персидского языка. И. А. Вуллерс в своем сравнительно-этимологическом словаре дает такую весьма странную и противоречивую статью: «*Pari* (. . . *pairika*, *qui destruit* <та, которая разрушает>. . .) *angelus, spiritus bonus, opp. div* <ангел, добрый дух, противоположность „див“>» [16, с. 353]. Б. В. Миллер слово *парӣ* переводит кратко: «. . . фея, пери; перен. красавица», и затем приводит такие противоположные по смыслу сложные слова с составной частью *парӣ*: «. . . *pāriyū*¹ периподобная. . . красавица», «. . . *pāri-xan* вызывающий злых духов» [7, с. 93]. Ю. А. Рубинчик переводит слово *парӣ*: «. . . 1) фея; гурия, пери. . . 2) красивая, изящная девушка. . .» и дает еще такое сложное

¹ Далее при цитировании сохранена транскрипция персидско-русских словарей и современная таджикская графика. Цитаты из работ на персидском языке даны в транскрипции И. Ю. Крачковского и А. А. Ромаскевича.

слово «...*nāriāfсай*... уст. заклинатель злых духов...; ведьма» [6, с. 294].

Крупнейший иранский филолог М. Моин разрешает «внутреннее противоречие» значения слова *парӣ* в персидском языке решительно, кратко и, по нашему мнению, не совсем удачно: «*Парӣ* (пах. *parīk*) 1) джинн; 2) му'аннас-и джинн; 3) рӯх-и палид, дйв; 4) (исти'ара) зан-и зйба». — «*Пари* (пехл. *parīk*) 1) злой дух; 2) злой дух женского пола; 3) нечистый дух, дэв; 4) (метафорически) красивая женщина» [21, с. 769].

Допустить, что слово, значившее «злой дух, ведьма», путем простого метафорического переноса стало значить «красивая женщина», довольно трудно, сколько бы мы ни подбирали здесь правдоподобных объяснений, вроде того, например, что промежуточной стадией был поэтический смысл «злое существо», затем «коварная, неприступная красавица», затем «просто красавица». Как мы увидим, причины, приведшие к соединению с одним словом по крайней мере двух столь разных значений, были весьма сложными и многообразными.

Иранский ученый Б. Саркарати посвятил этимологии и различным значениям слова *парӣ* объемистую статью, в которой он излагает свою теорию изменения смысла этого слова. Статья весьма интересна, привлеченные материалы богаты и разнообразны, однако предложенная теория, как мы покажем, далеко не бесспорна (особенно в той не рассматриваемой нами части, где автор старается подчинить фактический материал схеме, взятой у психолога-идеалиста К. Юнга).

Прежде всего Б. Саркарати отмечает, что во всех без исключения зороастрийских текстах авест. *parika* (PARIKĀ) и среднеперс. *parīk*, перс. *парӣ* обозначает ахриманическое существо женского пола, олицетворение зла, злобное и нечистое, упоминаемое в одном ряду с колдунами, дэвами и авест. *jahika* («женщина-дэв»; презр. «девка» [10, с. 2721]). От *парӣ* исходят только обман и вред. В Авесте упоминаются имена собственные некоторых особенно злобных пери.

С другой стороны, в литературе на персидском языке, по мнению Б. Саркарати, *парӣ*, начиная с «Шах-наме», в поэзии и особенно в фольклоре — эфирная женщина, очень красивая, необыкновенно привлекательная, «милая», добрая, приносящая благо, во всем противоположная дэвам (ср. приведенное выше замечание И. А. Вуллерса).

По нашему мнению, второе представление о *парӣ*, как выражается Б. Саркарати, «представление исламского периода» (т. е. X—XX вв.), определено им не совсем точно. Зороастрийское персидское слово *парӣ*, очевидно,

в первые же века ислама прочно связалось в синонимическую арабско-персидскую пару-перевод с арабским кораническим «джинн». Мы видели уже, что М. Моин толкует в словаре слово *парӣ* как «джинн женского пола». Слово «джинн» он толкует, в свою очередь, очень кратко: «*мауджуд-и мутаваххим ва гайр-и мар'ӯ, парӣ*» — «воображаемое невидимое существо, пёри». К своего рода единичному имени *джиннӣ* («один джинн») М. Моин дает вместо толкования только (очевидно, по его мнению) синоним-перевод: *парӣ*.

Лексикографическая традиция, которой придерживается М. Моин, берет начало уже от арабско-персидского словаря Замахшари (ум. в 1143 г.) «Мукаддимат ал-адаб», где против арабского слова *джиннӣ* стоит перевод *парӣ*, а слово *шайтāн* переведено *дйв*, т. е. «дэв». Далее, с современной логической точки зрения «непоследовательно» слово *иблӣс*, расцениваемое исламоведами как синоним слова *шайтāн* (как бы «главный шайтан») [8, с. 61], переведено Замахшари: *михтар-и и парийāн* — «глава пери» [19, с. 165].

Надо сказать, что *джинны* — фантастическое представление доисламских арабов, вошедшее в Коран (XV, 27), где они названы «творениями Аллаха, созданными из чистого огня прежде людей». Некоторые из них, согласно Корану, приняли ислам, другие остались неверными [8, с. 66]. Таким образом, «джинны» ислама безусловно значительно отличаются от «дэвов» зороастрийцев, которые описывались лишь как олицетворение зла.

Очевидно, по признаку отношения к принятию ислама мусульманская традиция объединяла *парӣ* не с дэвами, а с людьми и определяла пару «пёри и люди» специальным арабским словом *сақалāнӣ*, переводимым на персидский *ādamī ва парӣ*, т. е. «люди и пёри» (само слово представляет собой по форме двойственное число от арабского слова *сақл* — «ноша», очевидно по мысли комментаторов Корана, — «две ноши <земли>»). Эта пара, несомненно, персидский перевод коранической пары *инс ва джинн* — «люди и джинны» (имена собирательные) [21, с. 119]. Слово *сақалāнӣ* объяснено Замахшари «*парӣ ва мардум, мардумāн ва парийāн*» [19, с. 165], а в словаре «ал-Мирфāt» (автор ум. предположительно в 1105 г.) имеется такая словарная статья: *ас-сақалāнӣ — парӣ ва адамӣ*.

Подобно тому как кораническое *хӯр* — «гурия» сопоставлялось с зороастрийским *даэна* — «персонификация добрых дел праведника в образе прекрасной девушки» [2, с. 86 и сл.] (девушки, сотканной из света, возможно связанной с огненной стихией), кораническое *джиннӣ* привычно сопоставлялось с зороаст-

рийским *парӣ*, хотя, как мы увидим, не идентифицировалось с ним.

Поздняя лексикографическая традиция смешивает представления *парӣ* и *дӣв*, объединяя значения сложных слов, где они — члены сложения. Автор известного «Фарханг-и Ананд-радж» Мухаммад Падишах (XIX в.) дает, например, в своем словаре синонимов такую статью: «*Асӣбӣ — парӣгирифта, парӣзада, дӣвзада. . . арабӣ зӣ джинна. . .*» [18, с. 11] — «Повредившийся в уме — одержимый пёри, пораженный дэвами. . . арабское — одержимый джиннами. . .» Здесь в одном ряду оказываются разделенные Замахшари пёри и дэвы. Следующий далее у Махмуда Падишаха пример из «Вис у Рамйн» Фахр ад-Дина Гургани (XI в.) показывает, что *дӣвзада* теряет сознание и находится в тяжелом болезненном состоянии, как испытывавший на себе «злые чары». Таково же, очевидно, состояние *парӣзада*.

Б. Саркарати старается найти историческое объяснение всем этим противоречиям. Он полагает, что в религии древних иранцев до появления зороастризма было женское божество исполнения желаний, разрешения трудностей, одновременно — несения плода, рождения ребенка, божество *PARIKĀ*, которое после проповеди Зардушта с изменением в новой религии этических норм, запретом ритуальных оргий и храмовой проституции было изгнано из пантеона, объявлено ахриманическим существом, приравнено к дэвам. Несмотря на все усилия зороастрийского духовенства очернить пёри, полагает Б. Саркарати, после падения этой религии со словом *парӣ* в народном сознании оказался связан лишь древний комплекс представлений «красота, привлекательность, исполнение желаний, принесение блага, разрешение трудностей, добро», отраженный в образе *парӣ* — пёри персоязычной литературы. Все усилия мобедев сделать древнюю богиню олицетворением зла оказались тщетными [20, с. 1—2, 7]. Из приведенного нами материала видно, что это не совсем так, и образ пери X—XV вв. и позднее (до наших дней) не столь однозначен, ясен и привлекателен, как этого хотелось бы Б. Саркарати. Подробная роспись поэтических текстов несомненно смогла бы показать границы образа пёри в персоязычной литературе X—XV вв., частичное совпадение представления об этих фантастических существах с представлением о дэвах.

Небольшая подборка цитат, имеющаяся в упомянутой статье Б. Саркарати и «Словаре таджикского языка (X—начало XX в.)» [14, с. 37—38, 42], — всего 37 бейтов Хакани, Низами Ганджави, Хафиза, Фирдоуси, Анвари, Фахраддина Гургани, Джалаладдина

Руми и более поздних поэтов, включая цитаты со сложными словами типа *парӣандом* и *парӣбанд*, — показывает, что *парӣ*, по представлениям этих поэтов, очень красива, «мила», очаровывает, но в то же время способна лишить сознания, разума, сделать безумным. Колдуны (*парӣбанд*, *париафсой*) могут призывать на помощь *парӣ* или изгонять их, причем подобное колдовство опасно и грешно, как всякое общение с «нечистой силой».

Несмотря на столь сложную картину, составители «Словаря таджикского языка» толкуют значение слова *парӣ* следующим упрощенным образом: «. . . *махлуқи хурофӣ ва афсонавӣ, ки ба чашм нонамоён, хушрӯю зебо ва неқӯкор тасаввур карда мешавад*» — «. . . порожденное суеверием сказочное существо, которое представляется невидимым глазу, красивым, прекрасным, творящим добро». Не говоря о том, что «невидимый» и «красивый» звучит несколько противоречиво, из самих цитат-примеров можно понять: *парӣ* в представлениях классических поэтов далеко не всегда добра. Тем не менее сочетание «пёри — красота — добро», сбившее ранее с толку такого глубокого лексикографа, как А. Вуллерс, утвердилось настолько прочно в сознании поздних поэтов — носителей языка, что А. Лахути написал даже в 1948 г. поэму под названием «Парии бахт» («Пери счастья»), где создал поэтический образ сказочного существа, творящего одно добро, приносящего счастье [16, с. 488].

Совсем новый по времени фиксации, но, несомненно, очень древний по происхождению этнографический материал проливает некоторый свет на образ пёри, на значение персидского слова *парӣ* и, как представляется, на странную полярность оценок в значениях сложных слов с элементом *парӣ*.

В магических заклинаниях и мифологических представлениях уратюбинских и самаркандских таджиков, а также белуджей *парӣ* занимают весьма значительное место. Благодаря работе О. Мурадова мы имеем теперь довольно подробное представление о бытовавшем еще недавно среди таджиков обряде *париталбон* (*парӣталабӣ* — мн. ч. от *парӣталаб* — «призывания пери») [5, с. 94 и сл.]. В этом обряде путем магических действий и произнесения заклинаний «вызывали» различных духов, прежде всего пёри, «угощали» их, принесли в жертву барана, и просили об исцелении больного, разрешении трудностей и т. п. Начиналось заклинание мусульманским призывом к Аллаху с просьбой о защите от шайтана (обычная кораническая формула), затем шли обращения к многочисленным *парӣ*, духам — покровителям человека, производящего магические действия, с просьбой о помощи. Среди

них обращают на себя внимание упоминания «пэри, находящихся в пустыне магов» (*mugān*), что подтверждает мнение Б. Саркарати о «маговском дозораострийском происхождении образа пэри и „пери-шайтанов“» [5, с. 98, 99, 100, 102, 104]. Другое заклинание *паритал-бон* содержит в себе призывы к пэри с просьбой изгнать дэвов [5, с. 107—108].

Интересно было бы сопоставить эти обряды с лишь упомянутым Б. Саркарати обрядом *суфра-йи дузтар-и шāх-и парийāн* («угощение дочери шаха пэри»), сохранившимся среди части зороастрийцев Йезда как остаток бывшего почитания дозораострийской богини. Б. Саркарати сопоставляет его с иранским обрядом *суфра-йи мушкилгушā* («угощение разрешающей все затруднения» [20, с. 31]). Слово *мушкилгушā* употребляется и в заклинаниях самаркандских таджиков.

Из текстов заклинаний и записей мифологических представлений, выполненных О. Муратовым, вырисовывается образ пэри-духа, «избирающего» колдуна, производящего в дальнейшем магические действия (в данном материале это обычно женщина) [5, с. 98, 110, 116], духа, способного как помогать после принесения жертв и молений, так и приносить вред (ср. «пэри-кровопийца» в тех же записях [5, с. 114—115]).

На основании записей фольклора, сделанных у белуджей, можно прийти к выводу, что пэри данного ираноязычного народа — духи воздуха, связанные прежде всего именно с этой стихией (в то время как джинны арабов — «духи огня», эльфы европейской, кельтской в основе средневековой магии, где духи воздуха — сильфы). *Парī* белуджей обитают в воздухе, «не садятся на землю»; это крылатые, очень красивые женщины, живущие в далеком небесном царстве. Они могут являться к людям во сне и «очаровывать», оставаясь далекими и недоступными, принося влюбленному в них много огорчений, болезни и даже смерть от безнадёжной любви [3, с. 226—227].

Сопоставление приведенных нами этнографических материалов с богатым материалом датированных древних текстов (иранских, индийских, древнегреческих), приведенных в статье Б. Саркарати, прежде всего подтверждает древность как верований и обычаев таджиков и белуджей, так и поэтических образов персидско-таджикской поэзии. Уже один из текстов Авесты связывает представление о пэри с безумием, одержимостью [20, с. 25]. Как было сказано выше, все тексты Авесты, где упоминаются пэри, говорят о том, что пэри — только злые существа. Согласно Авесте, лишь некоторые «болтуны» [20, с. 19] называют пэри хорошими (речь идет, очевидно, о сохраняв-

шихся и во времена господства зороастризма сторонниках старого культа пэри).

Интересно отметить, что, насколько можно судить по авестийским текстам, дозораострийская пэри, как богиня оплодотворения, была связана с водой, дождем [18, с. 18—23], а не воздухом, ветром, как пэри в белуджском фольклоре (черта, весьма важная для рассуждений о четырех стихиях как главнейших категориях представлений о мире древности и средневековья).

Б. Саркарати приводит, в частности, и фольклорный материал, связывающий пэри с дождем, озером, родниками.

Для установления лексического значения слова пэри весьма важно приведенное Б. Саркарати замечание А. Кристенсена относительно одной ошибки К. Бартоломе [20, с. 24, примеч. 1]. В известном словаре последнего [15, с. 863—864] приведены многочисленные контексты из Авесты, где *pairika* названы в одном ряду с различными представлениями ахриманических сил и рядом с *yātav* — «колдунами, чародеями». Это заставило К. Бартоломе перевести слово *pairika* «колдунья, ведьма... женское подобие *yātav*» (новоперс. *džādū*) и отметить, что, согласно Авесте, пэри приносят особенный вред, отвлекая любовными чарами праведных зороастрийцев от исполнения религиозных обязанностей. Перевод К. Бартоломе принят, как мы видели, С. Н. Соколовым («ведьма»).

А. Кристенсен замечает, что, хотя во многих (особенно поздних) текстах Авесты *pairika* и *yātav* упоминаются рядом, но из тех же контекстов видно: пэри — сверхъестественные существа потустороннего мира, они не относятся к числу людей и никак не могут быть «колдуньями», в то время как *yātav* — именно колдуны, чародеи.

Следует отметить, что возражение А. Кристенсена, хотя и весьма интересно, поскольку показывает, что даже использование многочисленных контекстов не обеспечивает перевода, достаточно близкого к пониманию слова носителями, может быть также частично оспорено. Дело в том, что в фольклоре и мифологии пребывание в потустороннем мире не постоянное свойство духов, как и пребывание в человеческом облике не абсолютное и постоянное свойство колдунов, чародеев, волшебников [13, с. 304]. Пэри, явившаяся, например, Джамшиду («Бундахишн») и очаровавшая его как прекрасная женщина, конечно, в известном смысле «волшебница», воплотившийся дух, как пэри, усыпившая на целую тысячу лет Гершаспа во время любовного свидания [20, с. 11, 17, 29]. Следует, однако, признать, что перевод слова *pairika* в словарной статье К. Бартоломе

весьма односторонен и не отражает главного содержания представления создателей авестийских текстов, столь подробно исследованного Б. Саркарати, возводящего этимологически это слово, конечно, не к новоиранской явной наивной паронимии «крылатая» (от *par* — «крыло») и не к выведенному искусственно из пучка контекстов слову «ведьма», а к индоевропейскому корню **per* — «производить на свет, рожать» [20, с. 5].

Наш разбор представления о *parī* вышел, собственно, за рамки науки о языке, однако без обращения к историческим и этнографическим материалам объяснить пределы данного фантастического представления и смысла связанного с ним слова, имевшего очень широкое употребление в языке персидско-таджикской литературы X—XV вв., лежащего в основе множества метафор и употребительного и сейчас, не представляется возможным. Умозрительно, логически, синхронически нельзя объяснить, почему слово *parī* в современном персидско-русском словаре [6, с. 294] может быть переведено «красивая девушка» (вернее, «женщина»), *pāripāykār*, *pārichekr*, *pāriroḥ*, *pāriroy*, *pāriṣad* переведено «обворожительная», «прекрасная», «красавица», а *pāridar* переведено «одержимый злыми духами», *pāri-afsa*, *pāriband* — «заклинатель злых духов», *pāriṣad* — «безумный». В этих производных отложилась историческая глубина мифологического образа *parī*, ощущаемая в разной мере носителями языка и несомненно осознававшаяся в различных аспектах поэтами (также и русскими) при создании художественных образов. Сложность соотношения и взаимодействия чисто языковых и внеязыковых явлений в языке персидско-таджикской литературы, как мы надеемся, хорошо проиллюстрирована приведенным примером.

* * *

В заключение сделаем еще замечание по поводу одного важного теоретического вопроса. Приведенный нами материал указывает как будто бы на связь семантики и этимологии, отвергаемую обычно современной лингвистикой как «наивные поиски этимона», «истинного исходного значения» еще древнегреческой филологии. Действительно, приведенное Д. Н. Ушаковым словарное значение экзотического слова «пэри» уже русской, а не персидско-таджикской поэзии — «женщина чарующей красоты», как и «Парии бахт» А. Лахути (1948) — оказывается ближе всего к дозораострийскому иранскому представлению о женском божестве красоты и любви и индоевропейскому корню **per*.

Так представляется на первый взгляд, однако следует отметить, что, с нашей точки зрения, приведенные современными словарями переносные или метафорические значения слова персидского языка *parī* — «красавица» (Б. В. Миллер), «красивая изящная девушка» (Ю. А. Рубинчик), «красивая женщина» (М. Моин) — следует с точки зрения лексикографии отнести скорее к употреблением, притом употреблением поэтическим, чем к значениям. В русском языке мы относим приращение слову «слово» в определенной ситуации смысла «толстый, неуклюжий человек» к употреблением, а *parī* в основном значении — богиня, красивая фея, фантастическое существо, являющееся во сне. Слово это может быть отнесено к красивой женщине, очевидно, лишь как эпитет-существительное [11, с. 147] или элемент сравнения, оно не может стать в предложении, например, простым синонимом словосочетания *zan-i zibā* («красивая женщина»).

Чтобы показать, как персидское слово *parī* — русское «пэри» выступает в функции выраженного именем существительным эпитета — метонимической замены [4, с. 921—927]², а также элемента сравнения, приведем примеры как из персидско-таджикской, так и из русской поэзии.

Эпитет-замена:

Аз дур бидидам он париро
В-он раиши бутони озариро.

Издали увидел я ту пери (т. е. красавицу. — А. Б.),
Ту, [вызывающую] ревность кумиров огнепоклонников.

(Анвар, XII в., по «Словарю таджикского языка»
X—начала XX века)

... Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рай,
Стояла пери молодая!

(Лермонтов, «Измаил-бей»)

Сравнение:

Чудо гашт аз ӯ кӯдаке чун парӣ...
«Родилось у нее дитя, как пэри...»

(Фирдоуси, X в., по «Словарю таджикского языка»
X—начала XX века)

Нежна — как пери молодая...

(Лермонтов, «Измаил-бей»)

В этих примерах отчетливо выступает поэтическое употребление слова «пэри» в составе тропов, поразительно сходное в персидско-таджикской и русской поэзии.

В персидском языке наших дней, в сложениях элемент *parī*, вероятно, сильно десеманти-

² Типа «бродяга-ветер» — «бродяга» (в смысле «ветер»); или: «красавица! богиня! ангел!» (пример из либретто оперы «Пиковая дама»); «краса природы! совершенство!» (пример — начальная строка приписываемого иногда Лермонтову романсу).

зирован, и слова типа *парйрӯ*, *парйчихр*, *парйпайкар* воспринимаются большинством его носителей почти как синонимы словосочетания *зан-и зйбā* («красивая женщина»). Здесь можно видеть максимальное удаление от этимологии. Однако в поэтическом языке и в эмоциональном употреблении (в качестве эпитета) самого слова древний смысл оживает.

Таким образом, «полярные» в смысле оценки значения сложных слов с элементом *парй* (например, «обворожительная», «одержимый», см. выше), имеющиеся в современном персидском и таджикском языках, находят объяснение, мотивировку в истории слова *парй*, однако семантика этих слов в синхроническом плане, с исчезновением идеологических факторов (вера в *pairika* → *парй*, суеверие *париталбон*), оказывается отделенной от истории слова и этимологии. Значение слова современного языка представляется неопределенным, «размытым» (что-то вроде «красивое существо женского пола, пребывающее в потустороннем мире и являющееся во сне»).

1. Белый А. Петербург. Пг., 1916.

2. Бертельс Е. Э. Райские девы (гурии) в исламе. — Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.

3. Гафферберг Э. Г. Пережитки религиозных представлений у белуджей. — Домусульманские верования и образы в Средней Азии. М., 1975.

4. Корольков В. И. Эпитет. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975.

5. Мурадов О. Шаманский обрядовый фольклор у таджиков средней части долины Зеравшана. —

Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

6. Персидско-русский словарь. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. 1. М., 1970.

7. Персидско-русский словарь. Составил Б. В. Миллер. М., 1960.

8. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966.

9. Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лехина. М., 1964.

10. Соколов С. Н. Язык Авесты (учебное пособие). Л., 1964.

11. Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1952.

12. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939.

13. Эльчибеков К. Общие религиозно-философские и фольклорно-мифологические обоснования иерархии духовенства в суфизме и исмаилизме. — Религия и общественная мысль стран Востока. М., 1974.

14. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X, то ҷабди асри XX). Дар зери таҳрири М. Ш. Шукӯров, В. А. Капранов, Р. Хошим, Н. А. Маъсуми. Т. 2. М., 1969.

15. Bartolomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.

16. Dejini perské a tážické literatury ... za redakce Jana Rypky. Praha, 1963.

17. Vullers J. A. Lexicon Persico-Latinum Etymologicum. T. 1. Bonn, 1855.

18. پادشاه، محمد، فرصت مترادفات واصطلاحات، تهران، ۱۳۴۳

19. الزمخشري، ابولقاسم محمد، پيشرو ادب، تهران، ۱۳۴۲ جلد اول

20. سرکراتی، بهمن، پری، تحقیقی در حاشیهٔ اسطوره‌شناسی تطبیقی، نشریهٔ دانشکدهٔ ادبیات ...، تهران، ۱۳۵۰، شماره ۹۷—۹۸.

ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

II, 2

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

Состояние работ по изучению истории таджикской литературы

Таджикская литература, подобно многим восточным литературам и в противоположность большинству западноевропейских литератур, обладая весьма богатым и ярким феодальным периодом, имеет сравнительно небогатый новый период, исчисляемый всего лишь несколькими десятилетиями. Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как оно создает для новой литературы очень большие затруднения по преодолению старых традиций и позволяет буржуазным националистам и прочим врагам социалистического строительства, прикрываясь маской изучения старой литературы, стараться о сохранении за ней господствующей позиции и тем самым укреплять враждебную социалистическому строительству идеологию. Отсюда можно было бы сделать тот вывод, что в таком случае литературу эту лучше всего было бы предать забвению и дать ей бесследно исчезнуть. Но такой вывод был бы совершенно неправильным, так как многое в этой литературе является весьма ценным и вполне может быть использовано и в нашу эпоху. Однако, такое использование возможно лишь при том условии, если надлежащим образом будет поставлено изучение этой литературы, т. е. если мы будем изучать эту литературу как литературу классовую, выражающую различные этапы классовой борьбы в Средней Азии. Если классовый смысл всех памятников старой таджикской литературы будет вскрыт, если будет показано, кому она служила, чьи интересы защищала, то тем самым отпадет и всякая возможность использования ее классовым врагом в наши дни, отпадет возможность демонстрирования ее как выражения «общечеловеческих чувств, стоящих выше классовой борьбы». Следовательно, для Таджикистана, являющегося одним из отсталых участков нашего культурного фронта, изучение его литературы тем самым становится

крайне важной и неотложной задачей, требующей для успешного разрешения ясной и точной постановки вопросов и не допускающей отговорок и умолчаний.

Поэтому, особенно печальным является тот факт, что донныне работ по истории таджикской литературы мы не имеем. Мне известны всего только две работы, а именно небольшая статья проф. А. А. Семенова¹ и объемистый сборник известного таджикского писателя С. Айни.²

Первая из них — краткий очерк (10 стр.), не могущий претендовать на какое бы то ни было научное значение. Основное задание его назвать несколько более крупных имен за последние 400 лет. Самый факт появления его в каталоге известного лейпцигского книгопродавца указывает на то, что издатель руководствовался при помещении его своего рода «рекламными» целями, ему нужно было привлечь внимание западноевропейского потребителя к мало известному участку и тем самым повысить спрос на имеющиеся на его складе среднеазиатские издания, которые при теперешнем кризисе в Европе особенно ходким товаром, вероятно, не являются. В обиходе советского читателя для этой статьи место едва ли найдется (за исключением разве кое-каких содержащихся в ней фактических данных).

Вторая работа, напротив, представляет собой труд большой важности, но вместе с тем обладает и некоторыми опасными свойствами. Дело в том, что это не история литературы, а только обильное собрание ценнейших материалов по истории литературы, построенное по знакомому всем историкам персидской или турецкой литератур типу «тезкир». То есть, составитель такого сборника дает только ряд образчиков различных авторов, расположенных в хронологическом или каком-либо ином порядке, и от себя добавляет только сжатые биографические данные, не анализируя и не оценивая самих произведений. Отношение составителя к материалу выражается таким образом почти исключительно в подборе материала, преобладании того или иного автора и т. д. Но как бы мы ни подбирали старую таджикскую литературу, все-таки превратить придворную феодальную литературу в литературу нам не враждебную едва ли может удасться. Отсутствие каких-либо замечаний со стороны составителя может вызвать у мало подготовленного читателя представление, что эта литература рекомендуется

¹ А. А. Semenov. Kurzer Abriss der neueren mittelasiatisch-persischen (tadschikischen) Literatur (1500—1900). Litterae orientales, Heft 46. Lpz., 1931.

² Namunaji adabijjoti tojik. M., 1926.

ему как образец для нашей эпохи, что, конечно, совершенно недопустимо, или может заставить подумать, что составитель сочувствует выражаемой этой литературой идеологии, чего, как мы знаем, на деле вовсе нет. Таким образом, если такого рода сборник для историка литературы весьма ценен и удобен, то, как массовое издание, он может вызвать в неподготовленной среде совершенно нежелательные последствия.

Такое положение вещей заставляет нас выдвинуть вопрос о создании марксистской истории таджикской литературы в первую очередь. Однако, создание такой истории — дело весьма не легкое, которое едва ли может быть осуществлено с наскоку, в краткий срок. Первым и главным затруднением здесь является отсутствие марксистской истории Средней Азии, которая могла бы лечь в основу труда литературоведа. Экономика феодального периода, роль торгового капитала, роль кочевых племен — все это выяснено еще далеко недостаточно, и отсюда для литературоведа возникают большие затруднения. Далее, значительные трудности представляет также обилие материала, который к тому же для феодального периода в громадной своей массе не издан и имеется только в виде рукописей, разбросанных по разным книгохранилищам и зачастую дошедших до нас в весьма испорченном виде. Для литературы периода революции присоединяется еще одно затруднение — редкость тех периодических изданий, в которых большая часть литературы этого периода появлялась, и отсутствие в крупных книгохранилищах сколько-нибудь полных их коллекций. Здесь потребуется предварительно еще упорный труд по собиранию всего того, что можно будет найти.

Приведенные соображения вполне ясно показывают, что в этой небольшой статье я отнюдь не собираюсь дать полную историю таджикской литературы. Дать такого рода труд пока было бы для меня еще абсолютно невозможным. Задача моя иная — мне хотелось сообщить здесь результаты нескольких лет работы над таджикской литературой, наметить основные линии ее развития, как они мне представляются на основании исследованного мною материала. В качестве центрального момента здесь выдвигается вопрос о периодизации ее, которому я и уделяю наибольшее внимание. В связи с взятой мной установкой, останавливаться на деталях я, конечно, возможности не имею, и отсюда понятно, что в некоторых своих частях статья приобретает несколько схематичный характер. Считаю все же нужным предупредить, что создавать абстрактную голую схему я отнюдь не

стремился, ибо всякие попытки связать, например, определенную поэтическую форму с определенной эпохой и не показать ее в ее динамике будет чистейшим формализмом, от которого я стремлюсь уйти как можно дальше. Здесь я даю только как бы развернутый и мотивированный план большого труда, который еще должен быть написан. План этот поможет сгруппировать материал и выделить те эпохи, к разработке которых нам нужно приступить в первую очередь. Указывать здесь те рукописные материалы, на основании которых сложилась настоящая работа, едва ли нужно, ибо при значительном числе их список вышел бы весьма длинным и все равно не принес бы читателю никакой пользы.

I

Первый вопрос, встающий перед исследователем таджикской литературы, — это вопрос о том, с какого момента начинать эту литературу, т. е., другими словами, что разумеет под таджикской литературой, из какого признака исходить. Если мы будем понимать под таджикской литературой литературу на таджикском языке, то сейчас же встанет вопрос, что же мы разумеем под таджикским языком. Если под таджикским мы будем разумеать язык, на котором говорит сейчас масса трудящихся Таджикистана, то, во-первых, процесс объединения его еще далеко не закончился и дробление на диалекты все еще существует, а затем, весьма понятно, что в феодальный период язык трудящихся не мог быть литературным языком. При такой постановке вопроса феодальный период для нас попросту отпадет. Но, вычеркивая феодальный период, мы тем самым вычеркиваем и борьбу среднеазиатской буржуазии с феодализмом, да кроме того и лишим себя возможности проследить сохраняющиеся в качестве контрабанды остатки феодального наследия в современной литературе. Таким образом, язык не может служить для нас исходным пунктом. Однако, если мы попытаемся за основу взять критерий национальный, перед нами встанет новое затруднение. Идея национальности в период феодальный играет роль только в исключительных случаях. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вплоть до создания Таджикской ССР, т. е. до 1930 г., таджики отдельного государственного объединения не представляют и входят в состав различных политических образований, возникавших и исчезающих на населенной ими территории. Наконец, и самый термин «таджик» не всегда обозначал одно и то же понятие. Достаточно указать на то, что в XIII в. для монгольских завоевателей

Персии персидское население даже вплоть до самого юга Персии было «таджиками», причем термин «таджик» обозначал перса в противоположность монголу. Выход из этого затруднения, на мой взгляд, возможен только один — необходимо в определении круга таджикской литературы исходить из той географической территории, которая почти на всем известном нам отрывке истории была по преимуществу заселена таджиками. Тогда в историю таджикской литературы мы должны будем включить все произведения на таджикском или ином, близком к нему литературном языке, создававшиеся и распространявшиеся в долине Мианкаля и отчасти в Хорасане и северном Афганистане. При такой постановке вопроса историю таджикской литературы нам нужно было бы начинать с литературы согдийской, старейшей из всех литератур, возникавших на этой территории. Методологически это было бы вполне правильно, но практически едва ли особенно целесообразно, так как дошедшие до нас обломки согдийской литературы крайне немногочисленны и почти не дают нам образцов художественной литературы, являясь частью литературой культовой (буддийские тексты и притом переводные), частью весьма ценной, но прямого отношения к литературе не имеющей деловой перепиской.

Все указанные соображения заставляют меня относить начало истории таджикской литературы к X в. н. э., т. е. к бухарскому периоду. Правда, этот период до сих пор всегда относился и относится литературоведами к истории персидской литературы, что в известной степени и правильно, так как язык этой литературы бесспорно может быть назван персидским. Следовательно, до XVI в. грань между персидской и таджикской литературой у нас будет чисто условная. Но это вполне естественно, так как для этого периода литературным языком среднеазиатского феодала был язык персидский, и ни в экономическом, ни в политическом отношении между среднеазиатским и персидским феодалом почти никаких отличий не было. Такое положение для литературоведа ничего необычайного собой не представляет, и наблюдается и в литературе ряда других народов. Достаточно указать хотя бы на русскую литературу, литературным языком который в феодальный период был язык древне-болгарский.

Конечно, нельзя думать, что, начиная историю таджикской литературы с X века, мы полностью отразим ход ее развития. Дело в том, что для X в. мы располагаем рядом памятников, но все эти памятники без исключения относятся только к литературе правящего класса, т. е. феодальной аристо-

кратии. Но одновременно с этой литературой существовала безусловно и другая литература, выражавшая интересы широких масс, которая, однако, по понятным причинам не смогла быть зафиксирована письменностью, осталась устной и, таким образом, до нас не дошла. Составить себе представление об этой устной, или, как ее называла старая наука, «народной» словесности можно только искусственно, реконструируя ее на основании существующего и поныне устного творчества. Среди циркулирующих и сейчас устных произведений есть немало обломков старого, конечно сильно видоизмененных, покрытых рядом напластований, но, несмотря на все это, все же известное, хотя бы приблизительное представление об этой исчезнувшей литературе на основании этих обломков составить можно. Для этого требуется прежде всего тщательнейшее собирание всего, что еще сохраняется в устном виде в глухих углах страны, — сказок, песен, загадок и т. п. Работа эта уже начата и успешно ведется Таджикским научно-исследовательским институтом. Собран уже довольно большой материал. Теперь на очереди разработка этого материала в литературном отношении. Только тогда, когда разработка эта будет доведена до известной полноты, можно будет приступить к первой главе истории таджикской литературы, пока же без привлечения этого материала эта глава неизбежно будет однобокой, отражая только продукцию правящего класса.

2

При построении периодизации истории таджикской литературы я исхожу из положения классов, участвовавших в создании этой литературы, и провожу деление на периоды там, где в положении этих классов происходили те или иные изменения. При этом приходится иметь дело в основном с двумя линиями — линия литературы феодальной аристократии и линия литературы буржуазной (торговой и мелкой буржуазии). Линии эти по существу все время переплетаются, то скрепляясь, то расходясь, в зависимости от различных фаз классової борьбы, которую они выражают. Для более легкой обозримости схемы периодизацию приходится производить по каждой из этих линий отдельно, потому что в противном случае картина получилась бы крайне сбивчивая и путаная. При этом я прошу, однако, иметь в виду, что разделение это мною проводится только в схеме, в окончательном построении разрывать эти две линии, ведущие между собой неуклонную борьбу на всем протяжении истории, я, конечно, не намерен.

Для феодальной таджикской литературы можно было бы наметить следующие этапы.

а) Этап расцвета феодализма с центром в Бухаре, X в. (в прежних моих работах называвшийся мною «саманидским» периодом). Основная черта этого периода — чрезвычайно выпуклое развертывание основных элементов феодального стиля. Центром всей литературной продукции служит особа феодала-аристократа, раздуваемая в хвалебных одах (касыдах) до сверхчеловеческой величины. Природа служит только фоном для показа этой гигантской фигуры. Эпос (характерный образец, знаменитое *Шах-наме* Дакики — *Фирдоуси*) служит политическим целям феодалов, с необычайной резкостью подчеркивая в качестве основной идеи (особенно у Дакики) — идею верности вассала сеньору, рыцарской чести, доблести.¹ Так как феодализм в этот период еще жизнеспособен, находится, так сказать, в полном расцвете своих жизненных сил, то результатом этого является высокая художественность литературы этого периода, яркость образов, сравнительная простота языка и т. д. Язык в основном от языка Персии не отличается.

б) Вторым периодом можно считать переход центра из Бухары в Афганистан (Газну), а затем Персию, осуществившийся в конце X, начале XI в. Поражение среднеазиатских феодалов влечет за собой ослабление литературной деятельности при среднеазиатских дворах. Вполне понятно, что поэты феодального периода были заинтересованы в том, чтобы иметь возможно более щедрого и могущественного покровителя. В результате центр всегда притягивает к себе наиболее выдающиеся литературные силы, и в моменты образования таких центров провинциальная литература оскудевает и количественно и качественно. Этим объясняется то обстоятельство, что наибольшую активность персидская придворная литература развивает в момент наибольшей раздробленности Персии и сопредельных стран и ослабевает в моменты максимальной централизации страны. Для таджикской феодальной литературы этого периода, который можно датировать с XI по XIII в., характерной чертой является подчеркнутая политическая роль ее, поэзия используется феодальной аристократией в целях создания сатир на своих противников (достаточно вспомнить поэтическую переписку между Рашид- и Ватватом и Анвари, отражающую борьбу сельджуков с хорезмшахами). В формальном отношении этот период характеризуется усилен-

¹ Характерная деталь у Дакики: эпитеты героев «благородный», «почтенный», «именитый» и т. д. — специальный упор на аристократическое происхождение.

ной разработкой внешней формальной стороны поэзии, влекущей за собой резкое увеличение количества поэтических фигур, введение в литературу схоластической науки и выработку целого ряда трафаретных штампов, в результате чего поэзия утрачивает непосредственность и приобретает все более и более искусственный характер.

в) Началом третьего периода таджикской литературы можно было бы считать образование нового среднеазиатского центра в Самарканде. В этом периоде господствующая роль переходит к чагатайской феодальной аристократии, в результате чего развивается борьба между чагатайской и таджикской феодальной литературой, не носящая, однако, особенно резкого характера. Период этот можно датировать XIV—XV вв. Типичным памятником его является такое произведение, как „*Muhakamat ul-lughatain*“ Неваи, отчетливо намечающее формы борьбы двух языков между собой. Техническая сторона поэзии на этом этапе развивается еще больше и достигает своей кульминационной точки. Однако, экономический подъем феодальной аристократии влечет за собой частичное преодоление схоластических тенденций предшествующего периода. Сохраняя свой преимущественно декоративный характер, литература, главным образом, поэзия, обогащается необычайно яркими красками и достигает крайней законченности. На этом этапе окончательно формируется газель, до того времени ясно сохранявшая черты своего происхождения (вступительная часть касыды) в некоторой незаконченности, «открытости», и становится законченной сжатой формой, позволяющей некоторое сближение между нею и западноевропейским сонетом.

г) Четвертый период — это период узбекского господства, начинающийся с XVI в. и тянущийся до конца XIX в. На этом этапе в литературе феодальной аристократии происходят весьма значительные изменения, обусловленные ослаблением связи с Персией и усилением экономических сношений с Индией и северными соседями. Если для всех предшествующих периодов литературным языком был язык персидский, ничем не отличавшийся от языка феодальной литературы в самой Персии, то сейчас начинает намечаться расхождение и в языковом отношении. Правда, язык в основном все же продолжает оставаться персидским, но уже не персидским языком Ирана, а персидским языком Индии. Нельзя не отметить, что при изучении персидского языка до сих пор на эту сторону обращали весьма мало внимания и склонны были рассматривать персидский

(точнее «новоперсидский») язык как единое целое на всем историческом и географическом его протяжении. На самом деле такого единства, конечно, нет и в феодальный период и по существу быть не могло. Разработка этого вопроса является настоятельно необходимой. Литературу этого периода можно считать типичной эпигонско-упадочной литературой. Правда, отдельные крупные имена можно указать и здесь, достаточно вспомнить таких мастеров, как Мӯшфики и некоторые другие; но все эти силы сконцентрированы, главным образом, в начале этого периода. В дальнейшем литература постепенно хиреет все более и более, начинает уделять главное внимание различного рода фокусам, вырождается в хронограммы, акростихи и пр. и в погоне за оригинальностью делается все более трудной и непонятной. Центр тяжести в этом периоде уже не в литературе феодальной аристократии, а в литературе буржуазии, к которой мы теперь и перейдем.

3

Нужно сказать, что вплоть до XIX в. литература таджикской буржуазии развита весьма слабо, причем по понятным причинам борьба ведется на всем этом протяжении в литературных формах, ничем не отличающихся от литературных форм господствующего класса. Только в конце XIX в. положение это резко изменяется. В литературе таджикской буржуазии могут быть намечены такие этапы.

а) Первые попытки мелкой городской буржуазии (главным образом цеховой) выступить с критикой устоев феодализма. Для этой цели буржуазия использует в качестве орудия суфийскую философию, до того служившую орудием борьбы феодалов, различных по национальности (антиарабские тенденции). Против официального ислама феодальной аристократии, где духовенство является частью двора повелителя, состоит у него на службе, широко пользуясь всеми благами жизни, выдвигается реформированный ислам, проникнутый идеями сурового аскетизма, презрения к мирскому богатству. Улему противопоставляется шейх, не зависящий от феодального повелителя, «свободный», выступающий в роли защитника ремесленника и мелкого торгаша. Особенно характерно для этого периода подчеркивание трудового момента: законное имущество должно быть заработано трудом, следовательно, вся феодальная аристократия и ее прислужники — военное сословие являются узурпаторами, захватчиками, так как их имущество добыто не трудом, а следовательно, правоверный мусульманин не должен при-

нимать от них ничего и всячески избегать общения с ними. Период этот тянется приблизительно с X до XIII в. Однако, по понятным причинам количество памятников, им оставленных, или, вернее, до нас дошедших, невелико. Идеологами и носителями этой литературы являются суфийские шейхи, произведения которых в правящих кругах, конечно, большого распространения иметь не могли. Среди мелкой буржуазии же они, вероятно, распространялись преимущественно устно и если записывались, то только случайно. Весьма типичными произведениями такого рода являются различные четверостишия, в роде четверостиший известного хорезмского шейха Наджмаддина Кубра и его школы.¹ Литература эта пока изучена очень мало и изучение ее вызывает большие затруднения.

б) Образование самаркандского центра в XIV в. влечет за собой усиление крупной торговой буржуазии, в результате чего расслоение среди буржуазии намечается весьма резко, и литература буржуазии распадается на три отдельных ветви: 1. Литература крупной буржуазии, крайне мало отличающаяся от литературы феодальной аристократии и в суфийские тона окрашенная очень слабо. Характерной чертой этой литературы, наблюдаемой не только в Средней Азии, но и в самой Персии, является конкретизация образов, известный реализм в образах, в литературе аристократии совершенно отсутствующий. Общая тематика не меняется, эротическая газель господствует и здесь, но среди традиционных сравнений проскакивают сравнения, взятые не из схоластических наук, а из повседневных наблюдений за жизнью базара; большое место занимает тематика торговых сделок и т. п. 2. Из суфийской литературы выделяется ее «ортодоксальная» ветка, пытающаяся сгладить направленные против феодализма острия, обезвредить его критику и тем самым упрочить связь крупной буржуазии с феодалами и ослабить враждебные феодализму течения. На смену прежним шейхам-фанатикам и аскетам выдвигаются шейхи, благословляющие деятельность своего феодального покровителя и одновременно с этим уделяющие большое внимание «земным» делам и не брезгающие совершением торговых сделок в широком масштабе, вроде известного Ходжа Ахрара и др. 3. Третья ветка — это литература мелкой буржуазии, продолжающая прежние тра-

¹ Собираанием которых, в виду интереса, представляемого ими для истории борьбы среднеазиатской буржуазии против феодализма, я несколько лет тому назад занимался, но к разработке которых приступить не успел. См. мои статьи «Четверостишия шейха Наджмаддина Кубра», стр. 36, ДАН-В, 1924; и «Четверостишия шейха Маджаддина Багдади», стр. 137, ДАН-В, 1926.

диции. В виду сопротивления, идущего из среды самих шейхов (наиболее крупных и влиятельных), эта литература крайне ослаблена и поэтому в дошедших до нас памятниках представлена очень скудно.

в) Распадение узбекских ханств наносит интересам крупной буржуазии резкий удар, в результате которого существовавшее в предшествующем периоде единение ее с феодальной аристократией с XVIII в. распадается и уступает место критическому отношению. На первых порах такие критические выступления были крайне трудны и опасны и требовали особой тактики. Здесь на помощь себе буржуазия привлекает произведения представителей индийской буржуазии, с которыми благодаря существовавшим экономическим связям она была хорошо знакома. Важнейшее значение в этом периоде приобретают произведения индийского (вернее индо-персидского) поэта Бидили, имя которого продолжает сохранять свое обаяние для представителей среднеазиатской буржуазии и до наших дней. Это один из крайне интересных моментов в истории таджикской литературы и притом моментов, донные почти не изученных. Произведения Бидили полны самой ожесточенной критики феодализма и официального ислама, но критика эта замаскирована в них необычайно усложненным стилем, из-за которого чтение этих произведений представляет величайшие трудности. Бидилевский стиль победоносно распространяется по всей Средней Азии, причем из буржуазной литературы он просачивается и в литературу аристократии, усваивающую, конечно, не самую сущность, а лишь внешние его признаки. Вопросу о Бидиле и характере и причинах его влияния на среднеазиатские литературы должно быть уделено особое внимание и посвящены специальные исследования.

С середины XIX в. появляются отдельные фигуры (правда, очень немногочисленные), отбрасывающие «эзоповский» язык Бидили и выступающие с открытой и резкой критикой феодализма. Здесь заслуживает особого внимания интереснейший и своеобразнейший выразитель чаяний мелкой буржуазии — поэт, романист и ученый Ахмад Каллэ, отец джадидов-революционеров. Об авторе этом европейские востоковеды до сих пор хранили почти полное молчание, несмотря на то, что творчество Ахмада Каллэ в истории таджикской литературы является моментом величайшего перелома. В настоящей краткой статье я, конечно, не могу попытаться дать хотя бы мало-мальски полную характеристику этого автора. Это будет сделано мною в подготавливаемой мной специальной работе. Здесь же укажу только, что

А. Каллэ и тематически и формально порывает со многими из старых традиций, пытается реформировать литературный язык, идя по линии его упрощения, и создает новый для среднеазиатской литературы жанр типа авантюрной новеллы.

г) В качестве четвертого этапа литературы таджикской буржуазии можно было бы наметить литературу от проникновения русского капитала до Октябрьской революции, т. е. ту литературу, которая известна под названием литературы джадидской. В этом периоде ясно намечаются три различных течения, выражающие интересы трех слоев таджикской буржуазии.

1) Представители интересов крупной либеральной буржуазии, выступающие на борьбу с феодализмом, среди которых виднейшее место занимают известные всей Средней Азии Фитрат и Ходжа Бихбуди. Работы Фитрата «*Munozaga*» («Диспут») и в особенности «*Bajonoti sajjohi hindi*» («Сообщения индийского путешественника») составляют эпоху в истории таджикской литературы, решительно порывая со всеми старыми литературными традициями. Устами индийского путешественника, посетившего «центр правоверия» Бухару, Фитрат обличает феодальную Бухару и вскрывает все ее язвы. Безобразное состояние народного просвещения, ужасающее санитарное состояние, бесправие населения, взятки, поборы, беззастенчивый грабеж со стороны эмирских чиновников — все то, чем веками болела Средняя Азия и о чем никто не осмеливался говорить, все это показано здесь в ядовитой сатирической форме. Обличается и духовенство, но характерно то, что автор видит беду не в самом исламе, а только в носителях правоверия. Они опутали религию сетью простых формальностей, превратили ее в набор суеверий и приблизили к язычеству. Сама же религия не заслуживает, по мнению автора, порицаний и должна быть отстаиваема. Мы уже видели ранее, что крупная буржуазия на некоторых этапах смыкалась с феодальной аристократией. Так и здесь, буржуазия восстает против феодализма лишь постольку, поскольку он ее связывает, мешает ее росту. Эмира работы Фитрата не затрагивают, он — хороший человек, вся беда в том, что он окружен плохими советчиками, которых надо гнать. Эта же недоговоренность наблюдается и у другого автора этой группы, автора «*Tuhfaji ahli Vuxohi*» («Подарок жителям Бухары» Сироджуддина Бухари, известного под прозвищем «доктор Сабир»). В своей книге, описывая путешествие по Европе и посещение крупных центров, он набрасывает

программу целой «культурной революции», но... только для имущих, для крупной буржуазии. Описанию Европы противопоставлены картины средневековых устоев современного Афганистана и наброски из истории борьбы персидской буржуазии против монархии Каджаров.

2) Вторая группа — представители мелкой буржуазии, идущие в своих программах значительно далее крупной либеральной буржуазии. В этой группе мы находим целый ряд учеников Ахмада Каллэ, в том числе талантливейшего Шахина, своими сатирами на придворную поэзию решительно разбивающего старые литературные традиции. Тяжкий гнет бухарского самодура не позволил этому таланту развернуться во всю его ширь и обрек на раннюю гибель.

3) К третьей группе можно отнести буржуазию, работавшую на территории, захваченной русским капиталом. Эта группа, с одной стороны, могла действовать более решительно, так как непосредственно над ее головой не висела эмирская плеть и петля палача, с другой, ей были виднее опасности, которыми грозило расширение русского влияния, и потому у них значительно сильнее подчеркнут момент национализма. В этой группе обращает на себя внимание Сиддики, автор ряда фантастических поэм, в которых он выступает против феодализма и предвещает средне-азиатскому населению полное исчезновение с лица земли под давлением русских завоевателей. Впрочем, не нужно думать, что на захваченной территории авторы были значительно свободнее, чем в самой Бухаре. Царская цензура зорко следила за их деятельностью, и всякое произведение с националистическими тенденциями строжайше преследовала. Так «Муназарэ» Фитрата было признано крайне опасной книгой, и перевод его напечатан «секретно» только для правящих кругов.

Общим для всей этой группы является решительный отказ от средневекового литературного языка и стремление приблизиться к живому таджикскому языку. Если язык произведений Фитрата и не может быть назван вполне таджикским, то, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что он понятен всякому грамотному таджику.

д) Октябрьская революция ускорила распадение джадидского лагеря, на первых порах встретившего ее с величайшим восторгом. Первые газеты после революции были переполнены торжественными касыдами под громкими названиями «Революция», «Пламя Революции», «Зарево Революции» и т. д., в которых в старой средневековой форме, старым языком воспе-

валась революция так, как во время оно придворные поэты воспевали эмиров. Уже это расхождение формы и содержания крайне симптоматично и показывает всю цену этой «ультрареволюционной» поэзии. Крупная буржуазия полагала, что революция развяжет ей руки и позволит заняться эксплуатацией трудящихся за свой собственный страх и риск. Но очень скоро ей пришлось убедиться в том, что это не так, и начинается постепенный отход буржуазии от революции. Так осуществляется распадение буржуазии на группировки: 1) антисоветскую, начиная от махровейшей реакции, примкнувшей к царским генералам и пытавшейся задержать наступление революции Кокандскими автономиями и т. п., и кончая вредителями, ухитрившимися пролезть в ряды партии, занять крупные посты и оттуда вести свою разрушительную работу и 2) группу (выходцев из мелкой буржуазии), активно сотрудничающую с советской властью и давшую ряд ценнейших партийных работников (как тов. Файзулла Ходжаев и др.).

Изучение литературы этого периода особенно важно и ответственно, но и особенно трудно, так как большая часть литературы этого периода разбросана по разным газетам и журналам, представляющим иногда величайшую редкость и ни в одной библиотеке не сконцентрированным. Работе над этим периодом безусловно должно быть уделено особенно серьезное внимание.

е) Развертывание социалистического наступления, начиная с момента землеустройства, и в особенности коллективизация сельского хозяйства ведут за собой дальнейшее углубление распада джадидов и усиление маскировки джадидской литературы. Этот период дает довольно значительную литературную продукцию, большая часть которой сосредоточена на страницах журнала «Rohbari doniş». С первого взгляда почти вся эта литература представляется вполне «советской» и заслуживающей положительной оценки. Но тщательный анализ показывает иное. Правда, литература эта (напр., новеллы Азизи, Икромии и др.) рисует советскую Среднюю Азию и как будто ставит себе задачей содействие социалистическому строительству — однако, с чем же она борется? Почти все эти новеллы направлены против родительской власти над детьми (в вопросах брака), суеверий, азартных игр, разрушающих благосостояние таджикского крестьянина, приверженности к старым привычкам в быту и т. п. То есть, другими словами, против всего того, против чего боролся еще Фитрат задолго до революции,

когда эта борьба была во много раз труднее и опасней. Конечно, все это не вредит социалистическому строительству и не мешает ему, но оно свидетельствует о том, что буржуазия намерена идти по этому пути только до пределов, намеченных джадидской программой, не далее. Характерно, что многие из этих новелл написаны так, что даже трудно сказать, какую же Среднюю Азию мы перед собой имеем, наши ли это дни, или же действие происходит еще в царские времена. Только отдельные детали вроде «радио», «красной чайханы» и т. п. показывают, что автор, действительно, имеет в виду советскую Среднюю Азию, не старое время. Выделяются из этой группы произведения одного из старейших таджикских революционеров тов. Садрадина Айни, который особенно в своих больших романах «Одина» и «Дохунда» попытался дать большие полотна, изображающие ход революции в Средней Азии, противопоставляя наше время страшным черным дням эмирского гнета. Назвать тов. Айни пролетарским писателем едва ли можно, это самый левый из всех попутчиков, но уже настолько левый, что в особенности в своем последнем романе «Дохунда» он вплотную примыкает к пролетарской литературе. Говорить здесь подробно о его творчестве не место, оно заслуживает отдельного исследования, над которым я в настоящее время и работаю.

Как обстоит дело с созданием пролетарской таджикской литературы — вот последний вопрос, на котором нам еще следует задержаться. Сказать, что пролетарская таджикская литература уже существует, пока едва ли можно. Мы уже близки к ней, — как тов. Айни в известных частях своих романов, так и Лахути (самого последнего периода) все ближе и ближе подходят к ее созданию. Но все же указать хотя бы одно произведение, которое можно было бы целиком безоговорочно признать пролетарским, я пока затрудняюсь. Это и не удивительно, ибо положение Таджикистана в борьбе на культурном фронте особенно затруднительно. Эмирская власть оставила страну разоренной, опустошенной до последнего уголка, темной, неграмотной, не имеющей ни дорог, ни сообщения, ни школ, ни врачей. Все культурные запросы удовлетворялись полуграмотным муллой и шарлатаном-знахарем (табибом). Не довольствуясь этим, она все эти годы посылала еще из-за афганской границы банды хищных шакалов-басмачей, пытаясь сорвать героическую борьбу трудящихся за социалистическое строительство. Конечно, при таких условиях было не до создания литературы, не до теоретических дискуссий.

Укрепление диктатуры пролетариата, развертывание социалистического строительства — индустриализации и коллективизации в Таджикистане и на основе их рост таджикского пролетариата и пролетариев-колхозников и развертывание культурной революции — вот решающие предпосылки для развития таджикской литературы, которая идет в сочетании с работой в области образования единого литературного языка трудящихся таджиков. Но нельзя думать, что все это грандиозное строительство может быть осуществлено без сопротивления со стороны последних остатков капиталистических элементов. Возникающие и в последние годы дискуссии по вопросу о литературном языке, латинице и т. п. показывают, что пантюркизм, его новейший близнец паниранизм и в некоторой степени и таджикский национализм еще не побеждены окончательно и пытаются под маской ультра-левых слов задержать победоносное наступление пролетариата. В суровых условиях борьбы в Таджикистане не всегда удастся достаточно бдительно следить за культурным фронтом, что и используется классовым врагом в сотнях различных масок пытающимся удержать за собой позиции. Жесткая и непримиримая борьба со всеми этими течениями и неуспешная классовая бдительность, — вот условия, которые ставятся для всякого, кто хочет помочь пролетариату Таджикистана в строительстве «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры.

4

В заключение еще несколько замечаний. Как уже сказано, настоящий сжатый очерк отнюдь не собирается заменить историю таджикской литературы, а только намечает те линии, по которым ее нужно строить. Ясно, что дать развернутое построение по всем намеченным периодам сразу невозможно. Работу придется вести по частям, но для этого теперь же нужно наметить те участки, с которых эта работа должна начаться. Приступать сейчас к исследованию древнейшего периода едва ли целесообразно. Трудности будут очень велики, времени уйдет очень много, а актуальность такой работы будет весьма сомнительной. Начинать работу, по моему мнению, нужно с наиболее интересного для нас в данный момент периода, т. е. с середины XIX в., приблизительно от Ахмада Калла, так как здесь мы будем иметь дело с рядом авторов, имена которых живут в Таджикистане и по сейчас и произведения которых еще не вполне утратили свою действительную силу. Нужно показать растущему литературному молодняку, что в этих

авторах ценно и может быть использовано и что прямо или косвенно враждебно; нужно вскрыть классовый смысл и направленность всей продукции этого периода. Мне, например, приходилось слышать мнение многих таджикских работников, что произведения А. Каллэ безусловно должны быть как можно скорее изданы. Изучение этого автора показало мне, что произведения его должны быть тщательно сохранены от исчезновения, но что издавать их никоим образом не следует, так как в данный момент они могут быть чрезвычайно вредны, причем вредоносность эту не ослабить никакими введениями и примечаниями. Однако, что исследовательская работа, посвященная этому автору, крайне необходима, в этом для меня ни малейших сомнений нет. Настоящий обзор и был составлен мною с той целью, чтобы выделить наиболее важные и интересные для нас участки.

Далее, нужно указать, что работа по новейшей истории таджикской литературы возможна только при полном учете современной ей литературы узбекской. Разъединение этих литератур означает разрыв естественных живых связей, неизбежную неполноту и, следовательно, и искажение настоящей картины. Так, если брать только таджикскую часть литературной продукции Бихбуди, то едва ли можно составить себе хотя бы даже и приблизительное представление о его фигуре. А вместе с тем, совершенно несомненно, что узбекские его произведения точно так же организовали таджикского читателя, как и немногие статьи, написанные им по-таджикски, так как среди городских таджиков едва ли найдутся люди, не знающие узбекского языка. То же самое придется сказать и относительно Фитрата, из творчества которого при учете одной лишь таджикской части выпадет такое важное произведение, как статья - новелла «Бидиль». Таким образом, задача исследователя значительно усложняется и количество необходимого материала сильно возрастает.

Задачи, стоящие перед исследователем таджикской литературы, как видно из этого обзора, очень обширны. Совладать с ними исследователю-одиночке не под силу. Именно здесь необходимо применить новые методы работы, повести работу коллективно, привлечь сюда молодые кадры Таджикистана и совместными усилиями разрешить все возникающие трудности. Мы стоим у порога второй пятилетки нашего строительства. Думаю, что в задачи этой пятилетки, безусловно, необходимо включить и создание истории таджикской литературы. Громадные достижения первой пятилетки ясно говорят за то, что благодаря нашим завоеваниям на фронте культурного

строительства даже и такая большая и трудная задача в течение следующей пятилетки сможет быть успешно разрешена, и наша «седьмая» республика получит достойный образцовый республики научный труд, отвечающий насущным потребностям ее культурного строительства.

Ленинград, 20 V 1932 г.